

Марсианская партия

(Из рассказов в кают-компании)

Судить о достоинствах человека на основании его игры в шахматы можно более точно, чем на основе всех антропологических и графологических исследований.

Карел Крупский

На этот раз "кают-компания" была прямо на палубе речного теплохода, нарядного, белоснежного.

Был жаркий вечер. Нестерпимая духота в каютах выгнала всех на палубу. Пассажиры собирались группами, сдвигая, шезлонги и стулья. Уходившие пейзажи подсказывали интересные истории. И, как водится, кое-кто играл в шахматы.

Мы подсели к играющим. Моего знаменитого спутника узнали сразу. Партнерам показалось кощунством продолжать при нем партию, и они вскоре смешали фигуры.

Седой полковник очень интересно рассказывал о боевом эпизоде. Яркая белая береза на высоком берегу напомнила ему вот такую же, стройную русскую березу, которая одиннадцать раз переходила из рук в руки, превратившись в обугленный пень. Но гитлеровцам он не достался.

- Гитлеру - капут. Да и вообще Марсу, богу войны, - капут! - сказал молодой человек с модными висящими усами. - К Марсу автоматические станции летят!

- Ну что ж, сказал полковник. Поскольку кают-компания у нас образовалась на палубе и я свою очередь отбыл, то...

- То очередь за марсианином! - вставил молодой усач.

- Как за марсианином? - удивилась синеглазая девушка.

Мы с моим спутником переглянулись.

- А кто из присутствующих антинаучно доказывал, будто над тунгусской тайгой взорвался марсианский корабль? - с хитрецей сказал усач, глядя в мою сторону.

- О том, какой был взрыв над тунгусской тайгой в 1908 году, теперь спорят ученые между собой, без фантастов. Фантасту остается перейти на... марсиан непосредственно.

- Все последние данные автоматических станций говорят, что никаких марсиан не может быть. Нет там ни атмосферы подходящей, ни воды!

- Зато есть русла бывших рек и овраги, образовавшиеся при паводках.

- Куда же вода делась?

- Загадка, которую еще предстоит решить. Может быть, некая катастрофа изменила орбиту Марса, условия жизни на нем. И все живое должно было или погибнуть, или приспособиться к новым условиям.

- В том числе и разумные?

- Вот они-то скорее всего могли уйти в глубинные убежища с искусственно созданными условиями жизни.

- Ну и ну! - сказал полковник. - Опять марсиане?

- Расскажите, расскажите, - попросила девушка.

- Речь пойдет об обыденной встрече лет пятнадцать назад в скучной комнате с потеками на потолке и чернильными пятнами на столах в Центральном аэроклубе СССР имени Чкалова в Тушино, под Москвой. Мы мимо проплываем.

- Уж не марсианин ли до Тушино добрался?

- В тот день я дежурил в аэроклубе как член бюро созданной тогда на общественных началах секции астронавтики. Нас тогда еще называли "лунатиками". Но мы стойко сносили насмешки, не подозревая, что очень скоро на нашей улице будет праздник: запущен первый в мире искусственный спутник Земли, а потом Юрий Гагарин, с его незабываемой улыбкой, шагнет в космос.

Я уже собирался уходить, когда заметил в окне "его". Я задержался, словно знал, что он идет ко мне. Что-то странное показалось мне в его походке или в нем... Это ощущение еще более усилилось, когда я увидел его вблизи. (Оказывается, он действительно шел ко мне!) Но де-

ло было не в его маленьком росте и затрудненных, казалось бы, движениях, даже не в крупной шишковатой и совершенно лишенной волос голове... Меня поразили взгляд его умных глаз, измененных диковинными выпуклыми стеклами очков. Они приближали ко мне его миндалевидные, чуть печальные глаза, проникающие в собеседника, все понимающие...

Он положил на стол рукопись и ласково посмотрел на меня, заметив, конечно, мой легкий испуг.

"- Нет, это не для литконсультации и не для печати, - сказал он. Конечно, преждевременно говорить о межпланетных полетах и составе экипажа кораблей. И все же мне хочется заручиться поддержкой вашей секции".

Передо мной стоял не юноша, с ним неловко было пошутить, нельзя было посоветовать ему овладеть науками, которые понадобятся исследователю планет. Непостижимым путем он понял меня и сказал:

"- Я не астронавт, не геолог, не врач, не инженер. - Он чуть задержал дыхание. - Хотя мог бы быть каждым из них. Но все же я рассчитываю на поддержку, ибо мне необходимо... вернуться... на Марс".

Мне стало не по себе.

- Обыкновенный псих, - прервал мой рассказ молодой усач, сидевший за шахматами. Он скептически улыбнулся.

- И у меня мелькнула такая мысль. Припомнилось, как в 1940 году я читал письмо одного заведующего универмагом в городе Свердловске, просившего помочь ему вернуться... на Марс. Говорят, во всем остальном работник торговли был вполне нормальным человеком. - Посетитель улыбнулся. В глазах его я прочел, что он опять понял меня. Я поймал себя на том, что не только он угадывает мои мысли, но и я понимаю его даже без слов. Легче всего было счесть его больным.

"- Да, - сказал посетитель. - Первое время я попадал в сумасшедший дом, пока не понял, что бесполезно убеждать людей в том, что я не человек".

Я развернул рукопись и нахмурился, увидев испещренную странными знаками страницу. Что это? Мистификация?

"- Я мог бы написать на русском или английском языке, на французском или испанском, по-немецки, по-китайски или по-японски, пользуясь одной из принятых у вас на Земле письменностей, но... важнее было убедить людей, что невозможно разумному индивидууму придумать в полном одиночестве выдумать неведомый язык, якобы его родной язык, со всей его выразительностью и гибкостью; нельзя изобрести письменность для записи всех богатств этого языка. Важно, чтобы, поняв это, люди осознали, что все это может быть написано лишь представителем далекого мудрого племени, живущего в суровом мире увядания, в глубинах непригодной теперь для жизни планеты".

- Так и есть! Глубинные города Марса! - воскликнул молодой шахматист. Полковник строгим взглядом призвал его к порядку.

- Я осторожно перелистывал рукопись: "Как же это прочесть?"

И снова я увидел за очками ласковое, снисходительное участие:

"- Ваше время располагает кибернетическими машинами, способными расшифровать даже древние иероглифы. Мои вряд ли будут труднее. Если расшифровал бы их сам, мне никто не поверил бы".

Я почти понял, кем написана странная рукопись, и ощутил всю нелепость своего положения. Кто заинтересуется этой встречей: весь мир или группа психиатров?

Через выпуклый хрусталь очков на меня смотрели передающие и читающие мысли глаза. Разве возможны с ними ложь, ханжество или лицемерие? И я признался, что всей душой хочу поверить ему, но... пока не могу.

Он улыбнулся. Мы договорились встретиться через полгода. За это время я должен был уговорить кибернетиков расшифровать необыкновенную рукопись.

- А что потом? - нетерпеливо спросила девушка.

- Потом многое произошло. Запущены были искусственные спутники Земли, поднялся в космос человек, ступил на Луну, на Венеру и Марс спустились автоматические станции... Кибернетики расшифровали зага-

дочную письменность древних майя. И, конечно, вы поверите мне, что им под силу оказалось и прочесть переданную мне рукопись.

- Что же там было написано? - спросил полковник.

- Вы знаете, конечно, как дорог каждый час работы электронно-вычислительной машины. Молодые ученые, которые, как я подозреваю, хотели разоблачить меня - фантаста, могли выкроить время, позволившее им расшифровать лишь первую и последнюю страницы дневника...

- Дневника? - перебила девушка. Глаза ее горели.

- Да, дневника, в котором день за днем записывались впечатления марсианина, спрыгнувшего с помощью какого-то аппарата на Землю перед трагической гибелью марсианского корабля в тунгусской тайге в 1908 году.

- Ох и упорны же вы! - восхитился молодой усач.

- Что делать! Я оперирую только фактами. Моя гипотеза оправдана уже тем, что привлекла в тайгу множество экспедиций, а главное, привела ко мне моего марсианина (уходя он признался мне в этом).

- И как же дневник? - допытывалась девушка.

- Признаться, я хотел было опубликовать дневник марсианина в виде романа, в котором можно было взглянуть на нашу жизнь чужими глазами, глазами существа высшего по формации общества, смотрящего на нас как бы из будущего. Но... у меня были лишь две страницы дневника, а выдумывать мне не хотелось. Я ведь сторонник реалистической фантастики! А сам марсианин больше не появлялся.

Но я часто думал о нем. Каким представлялись ему мы в первые его дни общения с нами? Да и потом, когда он был современником мировых войн, кого он мог видеть в тех, кто пролитой кровью решал споры, кто насильственно заставлял людей работать на себя, делая одних счастливыми, других несчастными?

Из последней страницы дневника я узнал, что он стремился в страну, где начали строить основы привычного ему общества. Я ощущал, читая последние строки, как изменился он, живя с людьми и меняя мнение о них. Восхищенный взрывоподобным развитием их культуры, когда

за столетие был пройден этап истории, потребовавший на Марсе миллионов лет, марсианин мечтал, что более удачливые и энергичные, чем его соплеменники, земляне вернут его на суровый и любимый Марс, куда он мечтал принести с собой неистощимую, рвущуюся наружу энергию людей, их жизненную силу, способную преобразить Марс, вернуть ему былые условия жизни.

- Так почему же вы не расшифровали остальные страницы? - спросила, явно волнуясь, девушка.

- В том-то и дело, что мне мешало мое имя фантаста. Никто из высших руководителей не хотел отпускать на "бредовую идею" бесценные часы работы электронно-вычислительных машин!

- Как можно! Как можно! - воскликнула девушка. - Да я теперь все время буду воображать, что он смотрит на меня, когда я решаюсь на что-нибудь, смотрит глазами члена коммунистического общества, из будущего... нашего будущего. Ах, если бы он пришел!

- Он все-таки пришел... через десять лет.

Все искренне обрадовались.

- Он принес вам остальные страницы дневника? - спросила девушка.

- Нет. Он усомнился, что, опубликованные в виде романа, они привлекут к нему внимание. На этот раз он пришел ко мне домой с новым планом доказательства того, что он чужепланетное существо, представитель высокоразвитой цивилизации.

- Может быть, у него сердце с правой стороны? - пошутил кто-то из слушавших.

- Его организм удивительно похож на человеческий. Он утверждал лишь, что обладает исключительными умственными способностями. И хотел с моей помощью продемонстрировать это всему миру.

- Он умел делать сложные вычисления в уме? - спросил полковник.

- Он попросил меня устроить ему встречу с самым знаменитым шахматистом (он знал о моей причастности к шахматам). И он опять угадал мои мысли.

"- Вы думаете, вам трудно будет уговорить прославленного гроссмейстера встретиться с безвестным противником? Вы только сведите нас, я сам постараюсь убедить его".

И я познакомил его с одним из выдающихся шахматных дарований, вы извините, гроссмейстер, что я так говорю о вас.

- Польщен, - отозвался мой спутник, молчавший до сих пор.

- Теперь признайтесь, что вы почувствовали, когда я представил вам его в Шахматном клубе?

- В первое время я был обескуражен, - признался гроссмейстер. - Потом постарался понять, чего хочет этот странный человек.

- Человек? - воскликнула девушка.

- Таким он мне показался. Потом я почувствовал, что не могу не пойти ему навстречу.

- Ну, ясно! Гипноз, - решил полковник.

- Я тоже так было подумал. Поэтому, когда мы сели уже за шахматный столик, я старался не смотреть ему в глаза, обдумывая варианты.

- Говорят, шахматное искусство - это умение разгадывать чужие мысли. Он узнавал ваши намерения за доской? - спросил шахматист-усач.

- Не больше чем любой противник. Он пообещал продемонстрировать торжество мысли над "грубой силой".

- Но почему это надо доказывать с помощью шахмат? - снова пожал плечами полковник.

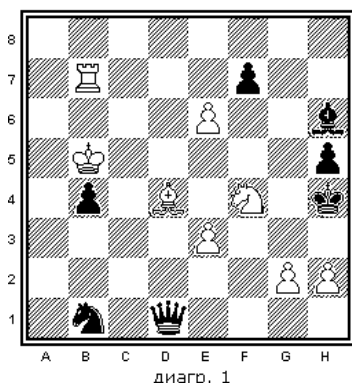
- Мне это показалось понятным, - ответил гроссмейстер. - Я, конечно, не поверил, что это марсианин. Я счел его за чудака, быть может, даже больного... но... Почему шахматы, спрашиваете вы? Да потому, что условная концепция шахмат, как известно, позволяет математикам проводить эффективное сравнительное программирование электронно-вычислительных машин. В шахматах, пусть в условной форме, воспроизводятся некоторые аналоги жизни и борьбы. Мне показалось занятным "проверить" того, кто называл себя марсианином, и, не скрою, я в рав-

ной степени хотел и разоблачить его и... убедиться, что он действительно марсианин.

- Единственная партия с ним сыграна вами, - обратился я к гроссмейстеру. - Посмотрим ее. Может быть, присутствующие на самом деле решат, что против вас играло существо, обладающее неземными способностями.

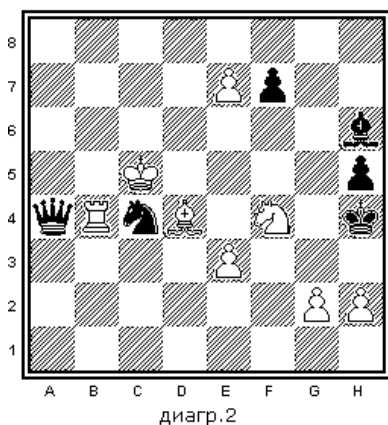
- Покажите нам эту партию, - попросили все.

Гроссмейстер молча расставил на доске позицию (диагр. 1).

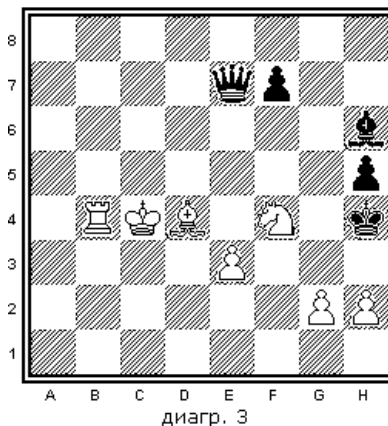

- Я не буду рассказывать, как я дошел до жизни такой. Я стремился "наказать" смельчака, поднявшего на меня руку. Я намеренно шел на необычную позицию. В результате мне удалось поставить ферзя на d1 и получить материальный перевес. Во всяком случае, я полагал, что ничья у меня в кармане. Марсианин играл белыми и сделал активный ход пешкой: **1. e7** . Я ввел в бой

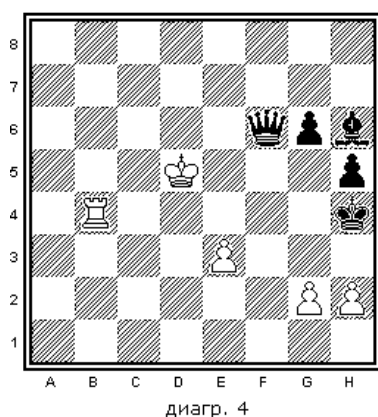
коня: **1... Кa3+ 2. Крb6** . Очень тонкий ход. Как показывает анализ, все

остальные отступления короля хуже. Мне оставалось только шаховать конем - **2... Кc4+** . Увы, не помогло бы **2... Фа4?** **3. Kd5!** **Кс4+** **4. Крс7**, и грозит **5. Л : b4**. **3. Крс5 Фа4**. В этом положении к моему удивлению, марсианин решил отдать проходную пешку, казалось бы, последнюю свою надежду! **4. Л : b4!** (диагр. 2). Ладья стала в глубокую засаду против моего короля, который отделен от нее целыми тремя фигурами. Одновременно как бы взводится пружина задуманного марсианином механизма. Мне ничего не оставалось, как взять опасную пешку. **4... Фа7+** **5. Кр : c4 Ф : e7** . (диагр. 3) И вот здесь-то марсианин и спустил взведенную пружину, обрушив на меня целый фейерверк жертв: **6.**

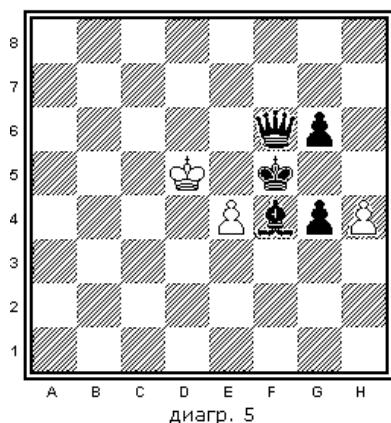

Kg6+ f : g6 7. Cf6+ Ф : f6 . Марсианин своеобразно демонстрирует торжество мысли. На моей стороне сила, но, увы, смотрите, как она обращивается против меня же! **8. Kpd5+** (диагр. 4). Я мог бы попробовать 8... Cf4? отдавая ферзя и слона за ладью, но получал безнадежный пешечный эндшпиль. Это был бы "серый проигрыш", недостойный моего противника. Честно сказать, видя все последующее, я не считал себя вправе помешать ему довести замысел до конца.

- Мы всегда считали вас, гроссмейстер, художником шахмат, - заметил старший из шахматистов.

- Польщен, - сказал гроссмейстер и стал продолжать рассказ: - **8... Kpg5 9. h4+ Kpf5** . И теперь следуют уже неизбежные удары, утверждающие торжество дальнего расчета: **10. g4+ h : g4 11. Лf4+** , - конечно не 11. e4? с выигрышем ферзя, но не партии. Марсианин сыграл точно, как задумал! **11... С : f4 12. e4+** мат! (диагр. 5).

- Это надо же! Две пешечки против целой армии во главе с черным ферзем! - восхищался старший шахматист.

- Красота - это неожиданность парадокса. Я вам всегда это говорил, - отозвался молодой усач.

- Да! В этой партии я получил мат, которым горжусь. Финальное положение говорит само за себя. Эту проигранную партию я включу в сборник своих партий.

- Может быть, я не слишком много понимаю в шахматах, - сказала девушка, - но мне хочется думать, что он действительно был марсианином. А где он? Помогла ему шахматная партия?

- Он больше не появлялся и другие партии играть с гроссмейстером отказался.

- Вам надо будет опубликовать все как оно было, - посоветовал старший шахматист.

- Я сделал одну попытку, ответил я. - Послал позицию из этой марсианской партии на Всемирную олимпиаду по шахматной композиции. И там ее автору, то есть, по существу говоря, марсианину, была присуждена золотая олимпийская медаль. Я храню ее до нашей с ним будущей встречи.

- Сейчас опять полетели к Марсу наши корабли. Он явится, непременно явится, - увлеченно сказал молодой шахматист.

1967 - 1975